

kurių vienas kitas gali būti ir diskutuotinas, jokių būdu negali sumenkinti didelės „Lietuvių kalbos kirčiavimo“ teorinės ir praktinės reikšmės. Knyga, be jokių abejonių, yra įdomi ir naudinga visiems, kas domisi lietuvių kalbos akcentologijos dalykais.

A. Laigonaitė

A. Blinkena, Latviešu interpunkcija, Rīgā, 1969, 410 p.

Хотя интерпункция, или пунктуация, относится к периферийной области письменного языка, однако изучение ее является важным как в теоретическом, так и в практическом отношении. В теоретическом отношении изучение пунктуации, как особой диакритической системы, имеет почти такое же значение, как изучение интонации, ударения и других просодических элементов на фонологическом уровне. В практическом отношении изучение интерпункции тесно связано с задачами нормализации и совершенствования письменного (литературного) языка.

Однако, несмотря на важность и актуальность изучения пунктуации отдельных письменных языков (особенно в наше время, в связи с развитием прикладного языкознания и работами над проблемами машинного перевода письменных текстов), эта область до сих пор не вызвала должного интереса среди лингвистов. Так, например, в литовском языкознании еще не появилось ни одной более обширной работы, в которой в синхроническом или диахроническом плане была бы подвергнута тщательному анализу пунктуационная система литовского письменного языка. Насколько мне известно, до появления книги А. Блинкены не было такой работы и в латышском языкознании. Поэтому появление объемистой (410 стр.) и старательно подготовленной книги А. Блинкены, в которой детально проанализирована система латвийской пунктуации, охарактеризовано соотношение пунктуации с разными сторонами и компонентами языка, а также освещена в общих чертах история латвийской пунктуации, заслуживает всяческой похвалы.

В теоретическом аспекте особенный интерес представляет собой первая глава книги „Понятие интерпункции и ее задачи“ (*Interpuncijas jēdziens un uzdevumi*). В ней освещается соотношение интерпункции с орфографией, грамматикой, интонацией и функциональными стилями языка; кроме того, затрагивается также отношение интерпункции к содержанию текста, к традиции, выдвигается проблема интерпункционной нормы и некоторые другие вопросы. Нельзя не согласиться с автором книги в том, что основным принципом пунктуации в латышском (как и в литовском и во многих других европейских языках) является грамматический принцип, хотя наряду с ним немаловажное значение в употреблении знаков препинания имеет также интонация, смысловое содержание текста, особенности функциональных стилей, традиционные навыки. Само собой разумеется, что удельный вес этих последних факторов в употреблении знаков препинания неодинаков, поэтому интересно было бы при помощи статистического анализа письменных текстов определить и количественное соотношение этих факторов. Статистический анализ, на мой взгляд, дал бы возможность еще более конкретно и более наглядно показать как доминирующую роль грамматического принципа, так и удельный вес других принципов и факторов в системе латышской пунктуации.

Хотелось бы также отметить и то, что для освещения общетеоретических проблем пунктуации, особенно для выявления взаимоотношений пунктуации с интонацией, целесообразно было бы воспользоваться трудами Г. П. Фирсова: „Об изучении синтаксиса и пунктуации в школе“ (1961) и „Значение работы над интонацией для усвоения синтаксиса и пунктуации в школе“ (1962), которые почему-то не включены даже в список научной литературы. В сопоставительном плане, на мой взгляд, целесообразно было бы познакомиться также

со статьей К. Ульвидаса „Принципы пунктуации в современном литовском литературном языке“ („Kalbos kultūra“, Nr. 5, Vilnius, 1963), которая, хотя и не является специальным исследованием литовской пунктуации, однако представляет собой первую попытку осветить ее основы.

Во второй главе „Краткая история латышской интерпункции“ (*Īsa latviešu interpunkcijas vēsture*) хронологически изложено развитие латышской пунктуации, начиная от самых первых печатных памятников до настоящего времени. Это первый и, по моему мнению, очень удачный исторический очерк латышской пунктуации и пунктуационной теории, который может быть хорошим примером и для нас, литуанистов, еще не приступивших к разработке истории литовской пунктуации. Не имея критических замечаний, касающихся этой главы, я хотел бы только отметить большое сходство между латышской и литовской пунктуацией XVI—XVII вв. Думается, что для исчерпывающего описания пунктуационной системы как латышского, так и других письменных языков не следовало бы упустить из виду рукописных текстов, так как в них часто обнаруживаются различные знаки препинания (напр., в рукописи „Евангелий и эпистол“ Г. Эльгера, написанном в первой половине XVII века, подобно как и в литовских рукописных текстах XVI—XVII вв., употребляется запятая на месте косо́го штриха печатных текстов того времени). В кратком обзоре истории пунктуации, разумеется, можно ограничиться только печатными изданиями, хотя указание на пунктуационные различия не было бы излишним и в кратком очерке.

Третья, основная глава книги — „Употребление знаков препинания в зависимости от грамматического оформления предложения и смысловых и стилистических значений“ — посвящена детальному изучению употребления пунктуационных знаков в современном латышском письменном языке и проблемам нормализации и усовершенствования современной латышской пунктуации. На основе огромного фактического материала, собранного А. Блинкеной из произведений латышской художественной, публицической и научной литературы, здесь тщательно проанализированы все характерные случаи употребления знаков препинания в разнообразных синтаксических конструкциях и структурах, дана научная оценка существующих норм латышской пунктуации.

Оценивая нормы латышской пунктуации, как одно из важнейших требований, А. Блинкена предъясняет им системность, т.е. пунктуационные правила „должны образовать определенную систему, в которой одинаковые смысловые значения и грамматические структуры отражаются на письме при помощи одинаковых знаков препинания и одинаковой их расстановки“. С таким требованием автора книги вряд ли можно не согласиться, тем более, что и при рекомендации тех или других норм пунктуации не игнорируются также грамматическая структура, интонационные особенности, смысловые и стилистические оттенки текста.

Само собой разумеется, что одно дело требовать, рекомендовать, а другое — внедрять эти требования или рекомендации в практику общего употребления. Внедрение в практику определенных пунктуационных правил затрудняется, кроме прочего, еще и тем, что часто среди самих лингвистов не бывает единого мнения относительно грамматической квалификации тех или иных синтаксических конструкций или структур. Так, скажем, по свидетельству автора, в латышском литературном (письменном) языке имеют место колебания в употреблении запятой в таких предложениях с инфинитивом, как *Man ir ko sacīt* (Мне есть что сказать). Предложения этого типа автор рассматривает как сложноподчиненные с редуцированной придаточной частью и предлагает *ko sacīt* отделять запятой, хотя в предшествующей практике (по свидетельству А. Блинкены) запятая здесь не ставилась и лингвистами не рекомендовалась. Отказ от запятой, по-видимому, объяснялся тем, что

сочетание *ko sacīt* рассматривалось не как придаточное предложение, а как подлежащее. В нормативных учебниках литовского языка и вообще в практике литовского письменного языка предложения такого типа (напр., *Man yra kas veikti* — Мне есть что делать; *Nėra ko valgyti* Нет чего кушать и под.) обычно не рассматривается как сложноподчиненные предложения и инфинитивы с местоименными формами не отделяются запятой. В этом случае я был бы склонен примкнуть к предшествующей латышской (и литовской) традиции, так как мне трудно убедиться в том, что глагол *būt* в этих предложениях сохраняет самостоятельное лексическое значение и что *ko sacīt* является редуцированной придаточной частью (она ведь не имеет ни предикативного центра!).

Большой заслугой А. Блинкены является теоретическая разработка сравнительных конструкций, так как в пунктуации их в латышском языке было (а в литовском языке и в настоящее время имеется) много неясностей и наблюдается большой разницей. Положения автора о зависимости пунктуации сравнительных конструкций от синтаксического характера части, содержащей сравнение, выделение новой стилистико-синтаксической категории — приравнивания (*pielīdzinājums*) и скрупулезное изучение разнообразных предложений с сравнительными конструкциями несомненно будут содействовать ликвидации неопределенности и колебаний в латышской пунктуации. Думается, что те положения помогут и литовским синтаксистам решить очень актуальную задачу — упорядочение пунктуации сравнительных конструкций.

Заслуживают внимания также рекомендации А. Блинкены, касающиеся пунктуации причастных и деепричастных оборотов, вставочных конструкций, междометий и др., так как они хорошо аргументированы и могут облегчить решение актуальных задач нормализации латышской пунктуации.

В четвертой главе „Главные случаи употребления отдельных знаков препинания“ дается конспективный обзор основных функций каждого знака препинания. Хотя такая глава в книге теоретического характера и не обязательна, однако в практическом отношении очень полезна: она будет способствовать усвоению основ латышской пунктуации.

Итак книга А. Блинкены „*Latviešu interpunkcija*“ представляет собою ценный вклад в разработку и усовершенствование латышской пунктуационной системы, является результатом долголетнего кропотливого научного труда в сравнительно малоизученной области

И. Палёнис